

УДК 902(5-191.2)

ББК 63.48(54)

**Элита сюнну Центральной Азии
(по материалам анализа погребальных
памятников)**

П.К. Дашковский, И.А. Мейкшан

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Elite of Xiongnu of Central Asia
(on the Materials of Funerary Monuments
Analyses)**

P.K. Dashkovskiy, I.A. Meykshan

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается проблема изучения характеристик элитных погребальных памятников сюнну (хунну), расположенных на территории Забайкалья и Северной Монголии. Анализ показателей внешних параметров, а также особенностей инвентарного комплекса погребений сюннуской элиты позволяет сформировать совокупность определенных признаков, маркирующих элитные группы в данный период времени. Погребальные памятники элиты сюнну отличаются особенностями внешней и внутренней конструкции. В частности используется подквадратная в планировке насыпь кургана в сочетании с дромосом. Внутренняя конструкция в большинстве случаев представляет собой двойной сруб в сочетании с гробом. Для погребальной практики элиты сюнну характерна традиция ритуального человеческого жертвоприношения, соумирания с правителем, что находит выражение в многочисленных находках в погребениях человеческих кос. Установлено, что в составе инвентаря погребальных памятников элиты сюнну представлены многочисленные предметы импорта, которые являются важным маркирующим признаком. Согласно проведенному обобщающему анализу показано, что комплекс импортных предметов включал в себя различные типы шелковой материи, лаковых изделий, нефрит. Существенной чертой погребальной практики элиты является также наличие китайских колесниц в составе погребального инвентаря. Китайский импорт был важным инструментом внешней политики сюнну, что объясняет его накопление в элитной группе, хотя он получает определенное распространение и в других социальных слоях. Таким образом, социально-политическое развитие империи сюнну отразилось в формировании признаков элитного погребального обряда, отличных от предшествующего скифо-сакского периода.

The article is devoted to the study of the characteristics of elite funerary monuments of Sünnu (Huns), located on the territory of Transbaikalia and Northern Mongolia. The analysis of indicators of external parameters and characteristics of complex inventory of the Sünnu elite burials allows the authors to form a set of specific signs marking an elite group of a given period of time. Funerary monuments of the Sünnu elites have specific features of external and internal design, in particular, the use of sub-quadratic in the layout of the mound in conjunction with the dromos. The internal construction in most cases is a double frame in combination with the coffin. The burial practices of the nomadic elite are characterized with tradition of ritual human sacrifice, dying with the ruler which is proved by numerous finds of human braids in the burials. It is established that in the inventory of the burial monuments of the elite Sünnu includes numerous items of import which are an important marking sign. The conducted analyses shows that the complex of imported objects includes various types of silk cloth, lacquer objects, jade. A significant feature of the funerary practices of the elite is the presence of Chinese chariot in the burial inventory. Chinese import was an important instrument of Sünnu foreign policy, which explains its accumulation in the elite group, although it receives certain distribution in other social layers. Thus, the socio-political development of the nomadic empire was reflected in the formation of the signs of an elite burial rite, distinct from the preceding Scythian-Saka period.

Ключевые слова: сюнну, кочевая элита, погребальные памятники, Центральная Азия, социальная реконструкция.

Key words: the nomadic, the nomadic elite, funerary monuments, Central Asia, social reconstruction.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-35

Изучение элиты в социально-политической структуре кочевых обществ Центральной Азии — одно из перспективных направлений современной номадологии. Это связано, с одной стороны, с расширением в последние два десятилетия источниковой базы за счет исследования серии элитных памятников в Центрально-Азиатском регионе эпохи поздней древности. С другой стороны, открывшийся методологический плюрализм в отечественных исторических исследованиях позволил ученым использовать новые парадигмы в изучении социально-политических процессов, институтов власти, формирования и функционирования элиты и т. д. [1].

В исторический период господства сюнну (хунну) в степях Центральной Азии происходит ряд кардинальных изменений в культуре и политической организации кочевников. Уникальным явлением потестарно-политической организации сюнну является формирование первой в истории Центральной Азии «степной империи» [2, с. 197], хотя исследователями признается вероятность наличия политических структур кочевников и в более раннее время [3–5 и др.].

Усложнение социальной структуры общества сюнну опосредованно отразилось и в археологическом материале. Анализ хуннских захоронений показал, что их можно разделить на несколько групп, значительно отличающихся друг от друга по степени сложности погребальных конструкций и богатству инвентаря [6–14 и др.]. К элитным сюннским курганам можно отнести погребения в Ноин-Уле (к. 6, 20, 24 и др.), Ильмовой пади, пади Царам и ряд других объектов. Характерными отличиями данной группы являются: 1) наличие мощной насыпи с ярко выраженным дромосом, 2) погребения в двойных срубках и гробе, 3) богатый сопроводительный инвентарь с обширным комплексом импортных вещей, 4) возможные человеческие жертвоприношения. Ноинулинские курганы отличаются значительными размерами, а также сложностью конструкции погребального сооружения. Вместе с тем в данных памятниках представлен обширный набор престижных вещей, в том числе предметы китайского импорта.

Внешние параметры сюннских элитных памятников несколько уступают в размерах памятникам предшествующей эпохи. Так, например, размер насыпи кургана №24 в Ноин-Уле составляет 15 метров, кургана №6 — 24 метра [6, с. 9–12], №20 — 20 метров [12], а погребение в пади Царам имело насыпь

со сторонами в 32 м [9, с. 50]. Высота насыпей данных курганов варьируется от 1,5 до 3 м. Однако следует подчеркнуть, что при этом данные объекты имеют значительную глубину могильной ямы, до 18 м и более. Внутримогильная конструкция в сюннских элитных комплексах представлена двойным срубом (63,6%, семь объектов) и гробом (72,3%, восемь объектов), декорированными шелковыми тканями и коврами [6, с. 16; 11; 12]. Гораздо реже использовалась конструкция из одного сруба (9,1%, один объект)

Предметы импорта являлись наиболее престижными в кочевой среде [15]. В памятниках сюннской элиты они представлены не только многочисленными тканями, но также лакированными шкатулками, чашечками, различными украшениями из нефрита и стекла. В кургане №20 Ноин-Улы и в кургане №7 пади Царам в заполнении могильной ямы находились остатки китайских колесниц [9, с. 52; 10, с. 163; 12].

В кургане №6 обнаружено большое количество китайского шелка в виде лент, флагов и простых полотен — всего более восьми видов. Подобное многообразие изделий из ткани характерно для большинства элитных памятников хунну — Ноин-Улы, Ильмовой пади, пади Царам [6; 9; 11; 12]. Шелк присутствует в составе погребального инвентаря как в виде отдельных лоскутов, так и в виде одежды. Шелковая одежда встречена в 54,4% (шесть объектов) элитных памятников, что составляет наибольший показатель. Довольно частым в рассматриваемых курганах является шелковый тюль (36,3%, четыре объекта), гладкий шелк (27,2%, три объекта), шелковая лента (27,5%, три объекта). Из-за разграбления многих «царских» курганов сюнну часто не удается установить характерные особенности шелковой материи, однако ее фрагменты представлены в 100% погребений элиты.

Другим, не менее важным элементом импорта, присутствующим в составе инвентарного комплекса элитных памятников, являются китайские изделия из лака. В большинстве случаев исследователями были обнаружены лишь фрагменты лаковых предметов (81,8%, девять объектов). Тем не менее в 45,4% (пять объектов) захоронений присутствовали лаковые чашечки. Гораздо реже встречались палочки (36,4%, четыре объекта) и лаковые сосуды (27,2%, три объекта).

Материалы памятников Ноин-Улы в полной мере позволяют оценить количество импортных предметов, находившихся в пользовании элиты сюнну: многочисленные шелковые ткани, бархат, ковры, лакирован-

ные изделия, изделия из нефрита. Показательными в этом отношении являются материалы из кургана №6, которые содержали не только китайский импорт, но также меха камчатского и байкальского соболя, что демонстрирует северные экономические и политические отношения кочевников [6, с. 117–121].

Многочисленными находками в элитных памятниках сюнну являются украшения, выполненные из металла, реже из полудрагоценных камней. Наиболее распространенными являются различного рода пряжки (45,4%, пять объектов), подвески, (45,4%, пять объектов). Широкое использование в погребальной практике получают янтарь и нефрит (36,4%, четыре объекта).

В погребальном инвентаре элиты сюнну значительно увеличивается показатель использования металлов. Как и в предыдущую скифо-сакскую эпоху, доминирующую роль играет золото. Встречаемость предметов из этого металла составляет 90,9% (десять объектов). Бронзовые изделия обнаружены в 72,7% (восемь объектов) исследованных «царских» памятников. Значительно чаще встречаются вещи, выполненные из железа (54,3%, шесть объектов), а также медные предметы (54,3%, шесть объектов). В меньшей степени представлены находки, выполненные из серебра, — 45,5% (пять объектов). Вероятно, возрастающее количество используемых в кочевой среде металлов в определенной степени связано с наличием торговых связей с Китаем. При этом, в условиях «престижной» экономики, контроль над ними принадлежал именно элите номадов.

Примечательно, что для сюнну не характерно использование в погребальной практике как элиты, так и рядовых кочевников сопроводительных захоронений коней. Данная практика, наиболее распространенная в скифо-сакское время [16; 17], приобретает у сюнну символическое, ритуальное значение. Например, положение в могилу черепа животного, конского волоса или элементов снаряжения [6]. Так, узда, удила, встречается в 27,2% (три объекта) элитных памятников, реже встречаются нагрудник, подседельник, псалии, налобник (9,15%, один объект).

Кроме мегалитических погребальных памятников элиты в Ноин-Уле имеются и рядовые захоронения. К ним относятся несколько объектов, изученных Ц. Доржсурэном в 1954–1955 гг. в верхнем течении р. Суцзуктэ. В каждом из четырех исследованных погребений находились предметы импорта. Показательным является объект № 20 (нумерация Ц. Доржсурена), представляющий собой «могилу с дромосом», материал которого включал в себя основные характеристики элитного погребального обряда: шелк, ковры, лаковые изделия, остатки ханьской колесницы [18, с. 39–40]. Шелк являлся не просто предметом товарообмена номадов с Китаем, но вы-

ступал в качестве основного элемента в механизме его внешней политики, направленной на сдерживание военной агрессии хунну путем предоставления «подарков» [19, с. 249–251]. Широкое распространение среди хунну предметов импорта находит подтверждение в письменных источниках, в частности — предупреждение о негативных последствиях привыкания кочевников к роскоши [20, с. 26].

В шести из 20 исследованных рядовых погребений в местности Гол-Мод так же обнаружены предметы импорта: лаковые изделия, остатки шелковой материи, зеркало [18, с. 42–44]. Китайские изделия в составе погребального инвентаря выявлены при раскопках в Ильмовой пади. В кургане № 50 были найдены остатки ковра, покрывавшего конструкцию внутримогильного сооружения; в девяти погребениях находились лакированные предметы. Наличие шелка зафиксировано в объектах № 45 и № 62. В погребении № 51 обнаружено китайское зеркало. В Черемуховой пади в десяти исследованных погребениях были найдены остатки лакированных изделий, а в курганах № 15 и № 38 находились китайские зеркала [21].

Обращает на себя внимание отсутствие предметов вооружения в элитных погребальных объектах сюнну (за исключением Андреевского кургана в Ноин-Уле [6, с. 123] и погребения в пади Царам [10]). В составе погребального инвентаря из вооружения присутствуют стрелы (18,1%, два объекта) и кинжал (ритуальный меч, 9,1%, один объект). Для сравнения отметим, что, например, в «царских» памятниках пазырыкской культуры Алтая комплекс предметов вооружения представлен достаточно широко [22–26 и др.].

В то же время предметы вооружения (части сложносоставного лука и наконечники стрел) обнаружены во многих рядовых погребениях в Ильмовой и Черемуховой падах [21], могильника Нухгийн ам, Чандмань-уул [27, с. 77]. Вполне вероятно, что в структуре социальных отношений сюнну происходит постепенное деление общественного пространства на профессиональные группы, формируется комплекс вещей-символов, присущих каждой из них. Импортные предметы были обнаружены также при исследовании хуннуского могильника Тэбш-уул в пади Дуут. В погребениях № 7 и № 8 найдены остатки шелковой материи. Части лакированных изделий выявлены при раскопках кургана № 20 Тебш-уул и № 7 памятника Найма-толгой [27, с. 54–77].

Изменение традиционной культуры привело к широкому распространению импортных вещей в культуре сюнну. При этом механизмы регламентации потестарного пространства, характерные для номадов скифо-сакского мира, утрачиваются. В результате этого категория импортных предметов в погребальных памятниках сюнну во многом теряет свои маркирующие признаки.

Характерной особенностью элитных памятников сюнну является наличие сопроводительных человеческих захоронений, располагавшихся рядом с центральным погребением. Так, в пади Царам около кургана № 7 выявлено десять погребений, которые исследователи интерпретировали как сопроводительные [28, с. 86–87]. В непосредственной близости с ноинулинскими памятниками обнаружен ряд ритуальных выкладок, связанных с центральным погребением [18, с. 40]. Находки большого количества кос, а также ритуальных кукол в элитных курганах указывают на существование практики символического соумирания с правителем. Например, в кургане № 6 некрополя Ноин-Улы находилось 74 косы в наконечниках [6, с. 184], а в погребении № 7 пади Царам обнаружены три ритуальных куклы [9, с. 55–56].

Рассмотренный материал показывает, что для гунно-сарматской эпохи характерно определенное изменение комплекса признаков элитности. В первую очередь это касается масштабности погребальных памятников, которая менее мегалитична в наземной части по сравнению с предшествующей эпохой, хотя внутримогильная конструкция очень масштабная. Вместе с тем в империи сюнну начинается процесс формирования государственной идеологии власти, основанной на «учении о сыне Неба». Выражение сакральности личности правителя происходит посредством реализации медиативных функций шаньюя, вследствие чего «определенные» формы сакрализации во многом теряют свою актуальность [29–32].

Таким образом, проведенный анализ показал, что погребальные памятники элиты сюнну отличаются

особенностями внешней и внутренней конструкции. Во-первых, используется подквадратная в планировке насыпь кургана в сочетании с дромосом. Данный показатель является устойчивым внешним маркером. Ширина стороны насыпи варьируется от 14 метров, длина дромоса — от 8 метров. Минимальное значение глубины могильной ямы — 7 метров. Внутренняя конструкция в большинстве случаев представляет собой двойной сруб в сочетании с гробом, реже представлено одиночный сруб. Традиции использования колод или различных типов погребального ложа не представлено. Во-вторых, для погребальной практики элиты сюнну характерна традиция ритуального человеческого жертвоприношения, соумирания с правителем, что находит выражение в многочисленных находках человеческих кос. Некоторые исследователи, в частности С.С. Миняев и Л.М. Сахаровская, поддерживают идею наличия сопроводительных захоронений, которые производились рядом с курганом представителя элиты (падь Царам, курган № 7). В-третьих, в составе инвентаря погребальных памятников элиты сюнну представлены многочисленные предметы импорта, что также является важным маркирующим признаком. Импорт включает в себя различные типы шелковой материи, лаковых изделий, нефрит. Существенной чертой погребальной практики элиты является и наличие китайских колесниц в составе инвентарного комплекса. В целом китайский импорт был важным инструментом внешней политики сюнну, что объясняет его накопление в элитной группе, хотя он получает определенное распространение и в других социальных слоях кочевников.

Библиографический список

1. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография под ред. П.К. Дашковско-го. — Барнаул, 2015.
2. Крадин Н.Н. Империя хунну. — М., 2002.
3. Мартынов А.И. Скифо-сибирский мир — степная скотоводческая цивилизация — V–II вв. до н.э. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). — Кемерово, 1989.
4. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул, 2009.
5. Тишкин А.А., Дашковский П.К. О государственно-сти «пазырыкцев» // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул, 2005.
6. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л., 1962.
7. Давыдова А.В. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // Сов. Археология. — 1982. — № 1.
8. Миняев С.С. Дырестуйский могильник. — СПб., 1998.
9. Миняев С.С. Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009. — № 2.
10. Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Рос. археология. — 2007. — № 1.
11. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Курганы Суцзуктэ. Ноин-Ула, Монголия. — Новосибирск, 2014.
12. Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д. Двдцатый ноин-улинский курган. — Новосибирск, 2011.
13. Treasures of The Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. — Ulaanbaatar, 2011.

14. Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). — Улан-Удэ, 2008.
15. Филиппова И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим источникам) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2005.
16. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. — Барнаул, 2003.
17. Дашковский П.К. Лошадь в религиозно-мифологической системе кочевников Горного Алтая VI–II вв. до н.э. // Археология и этнография Алтая. — Горно-Алтайск, 2003. — Вып. 1.
18. Доржсурен Ц. Раскопки могил в горах Ноин-Ула // Монгольский археологический сборник. — М., 1962.
19. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути (шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). — М., 1994.
20. Материалы по истории кочевых народов Китая в 3–5 вв. Вып. 1. / вст., ком. и пер. С.В. Таскина. — М., 1989.
21. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976.
22. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. — М. ; Л., 1952.
23. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М. ; Л., 1953.
24. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М. ; Л., 1960.
25. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). — Новосибирск, 1994.
26. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. — Новосибирск, 2001.
27. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976.
28. Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса №7 в могильнике Царам // Археологические вести. — СПб., 2002. — Вып. 9.
29. Дашковский П.К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2007. — №4/2.
30. Дашковский П.К. Религиозный аспект политической культуры и служители культа у кочевников Центральной Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанский период // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2008. — №4/2.
31. Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул, 2011.
32. Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Религиозный аспект политической культуры и влияние буддизма на процесс легитимации власти у кочевников Центральной Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанский период // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография под ред. П.К. Дашковского. — Барнаул, 2015.